

Это короткая история о том, как я совсем недавно ехал в поезде Санкт-Петербург — Москва по некоторым рабочим делам. Ну, и естественно, не просто ехал, а оказался счастливчиком пережить маленький эротический эпизод.

Почему-то в этот раз поезд немножко задержался и мне пришлось долго стоять на зябком перроне без единой возможности затянуться сигареткой, — как на зло, пачки не было под рукой, да и курить на перроне — это все же небольшой риск нарваться на разборки со служащими, контролирующими правопорядок на вокзале. Единственное, что согревало меня — это мысль о том, что скоро большие выходные, да потом еще и отпуск. Хотя вру — не единственное: еще я с удовольствием поглядывал на потрясающую шатенку лет сорока в чересчур короткой для времени года юбочке и черных, блестящих как останкинская башня, колготках. И, что редко бывает, женщина была красива той самой красотой, которая для каждого своя, но которая как будто отрывается у тебя сердце и возвращает только тогда, когда переведешь взгляд на умопомрачительные ножки. Тогда уже покой теряется у другого органа. Долго я так стоял пританцовывая, думая об отпуске и любуясь красивой теткой. Но вот стал приближаться поезд. Пятый, седьмой, а вот и мой восьмой вагон. Толпа разом выстроилась в очередь, взявшихся изниоткуда. Среди них была и та женщина, которая обратила на себя мое внимание. Оказалось, что она была не одна — с ней ехал мужчина, — судя по неверbalным признакам ее супруг или любовник. Моя надежда на приключение в дороге сразу спала на нет и я отбросил свои бредовые фантазии, в душе успокоившись и представляя, как хорошо сейчас будет выпить чаю из стакана со знаменитым металлическим подстаканником, почитать пару глав сай-фай книжки и поспать в свое удовольствие.

Отстояв очередь, я последним влез в вагон. Еле продрался по проходу — какие-то мужики зачем-то везли с собой несколько больших плазменных панелей и я чуть не грохнул одну из них.

— Ничего страшного, — шутя сказал дядька, похожий на Михаила Кокшенова. — Разобьешь плазму — купишь две. Я же вижу, что ты состоятельный человек. — Нет уж. Тогда я две разобью, чтобы по-чесноку — говорю. — Тогда купишь четыре. Математику учил? Я решил не состязаться в остротах с этим быстрым на язык парнем и пошел дальше в свое купе.

Там уже, разумеется сидели люди. Причем, как мне показалось — явно их было слишком много для четырех полочек купе. На верхней лежал тот самый мужчина, которого я видел на перроне рядом с красоткой, на другой лежало множество чемоданов, а на первых двух сидело человек десять, включая детей и да, там был настоящий гусь. Я чуть с ума не сошел от этого зрелища.

— А зачем вы гуся взяли с собой, — говорю. — Он же перелетная птица, может на крыльях долететь со своими собратьями по несчастью. Старуха, сидевшая ближе всего ко входу в купе, посмотрела на меня и беззубо ответила: — Это провожатые. Мы сейчас уйдем. — А кого провожаете, гуся? — говорю. — Нет, — ответила бабка, — как будто у одной нее был язык в этой компании. — Провожаем Семочки. — Этого гуся просто бабка только что купила на базаре. Повезет в деревню. — ответил Семочка, тот самый парень, обнимавший красотку. Когда компания разошлась и поезд тронулся, я наконец-то успокоился и заправил постель. Мне пришлось лечь не на свое место, т. к. мне не хотелось будить парня, который очень

быстро отошел в мир грез на моей полке. Пришла проводница и налила чай. Кроме меня и Семена никого не было в купе. Довольно странным показалось мне исчезновение его жены или любовницы... Возможно, она все-таки тоже была среди провожающих, но ушла раньше. Ехали по ленобласти, где ночью зимой темень жуткая, несмотря на снег. Как на зло, отключились светильники. Мне было лень идти выяснять, в чем дело, я бросил книжку на недочитанной главе, снял джинсы и улегся спать под колючее одеяло.

Мне показалось, что спал я целую вечность, так много всего приснилось. Но вдруг я проснулся и сам не мог понять, чего это вдруг — так хорошо спалось. Семен сильно храпел и я подумал, что это он меня разбудил, однако вдруг я понял, что что-то трясет мою ногу. От страха я чуть не вскрикнул. — Это я, — послышался шепот. Не узнал? Хватит спать, просыпайся. — и я почувствовал как странный ночной гость, — будь то молодой парень или девушка, непонятно, снимает с меня носок. — Мы же договаривались, что ты не будешь спать, — продолжал голос и я понял по голосу и запаху перегара, что со мной говорит нетрезвая женщина. Я тем временем совершенно не знал, что делать. Сказать, что ошиблись адресом? — Я не Семен, — говорю шепотом. — Он на соседней полке спит. — Не ври мне. Сколько можно меня дурачить, мне не смешно. Ты постоянно шутишь со мной — женщина вдруг засмеялась, и я увидел в темноте ее белую улыбку. Постепенно зрение вернулось ко мне и я понял, что Семена пришла навестить та потрясная сорокалетняя дама, на которую я так беззастенчиво пялился на перроне.

— Ты так никогда не хранишь, как... как вибратор, — сказала она и смеясь подошла ближе ко мне, положив обе руки на мое одеяло. — Бррррр, бррррр, — так вибратор жужжит. Мой испуг прошел и я стал с удовольствием наблюдать за действиями жены Семена, будем называть ее так. Я понимал, что внаглу пользуюсь положением. Но что делать — я же уже сказал ей, что я не Семен. Может быть, включить свет? Я уже думал включить свет, как вдруг она стала гладить мои бедра.

— Мы же поедем в Испанию в марте? — прошептала она. — Ты знаешь, как там красиво. И маленького Кирюшу возьмем. Корзину, картину, картонку, и маленькую собачонку. Посмотрим на дома, которые построил Гауди, знаешь такие необычные вити... не могу выговорить... витье... Витя что-то там ватые. Я пьяная такая уже, Семочка. Я молчал. Тем временем жена Семена приподняла одеяло и коснулась рукой моей голой голени. — Мммм, — какая голень у тебя. — А мы в Испанию поедем? Я молчал. Она же вдруг стала больно щипать меня за бедро, царапая длинными ногтями. — Се-мен, Се-мен. Не спи. Я как колокол, который тебя будит. Слышишь — се — мен. Се-мен. Вставай. — Да, перестаньте. — говорю. — Я правда не Семен, простите. Вы полкой ошиблись.

В этот момент она так обаятельно улыбнулась, закатив глаза и показав свои, чуть больше обычного размера, верхние зубки, что мое состояние, характеризовавшееся как полная готовность, перешло в состояние наступления. Я уже стал чувствовать позывы спуститься и оттрахать ее жестко и поучительно.

— Семееен! — вдруг слишком громко сказала она. И я почувствовал, что стал переживать за то, что она разбудит настоящего владельца имени. Кстати, меня Дима зовут. — Семееен, а это что такое? — я почувствовал, как рука под прстыней быстро залезла в мои семейки, схватив за яйца и член одновременно. — Ты знаешь, я когда тогда в университете с тобой познакомилась в лаборатории, я не думала, что у тебя вообще есть... — тут она сжала мою мошонку чуть сильнее, и хриплым шепотом произнесла протяжно, — члеееен. Мы же поедем

в Испанию? Я как будто язык проглотил. От неожиданности задыхаясь. — Я хочу покататься на гондолах. Или это где... в Венеции, — это Италия? — Это на севере Италии, — говорю, и в моем члене очень приятно от ее обхвата. — Какой ты ууумный. А если ты такой умный, то почему, я тебя спрашиваю, мы до сих пор не на гондолах с тобой. Ты обещал, сказал — Наташа, мы поедем в Испанию, — а я уже визу взяла себе. А еще я хочу на яхте... я всегда мечтала на яхте. — все это она говорила, сжимая мой хуй и периодически срываюсь с шепота на довольно громкий голос.

— Я очень напилась сильно, но ты не обращай внимания... хочешь, грудь мою поцеловать? Давай спустись ко мне. — при этом ее рука начала медленно надрачивать мой стоячий колом пенис. — Давай спустись или я не буду дрочить тебе. — сказала она, смеясь. Вдруг поезд резко качнуло,

и Наталья не удержалась на ногах. С грохотом она как-то сложилась между двумя нижними полками — попа на полу, голова на одном сидении — ноги на другом. Я с одной стороны стал переживать за ее здоровье, с другой не мог не заметить роскошных мясистых ножек, уже не в колготках, а совсем беззащитненьких, которые оказались поднятыми вверх. — Все хорошо? Все в порядке? — я как молния спрыгнул со своей полки, не обращая внимания на член, выскочивший из трусов. Мне показалось, что она плачет, однако при ближайшем рассмотрении я понял, что она хохочет. При этом она яростно шевелила пальчиками ног, с которых слетели тапочки. Как упавший на спину жучок.

— Вы не ушиблись? — Я нет. Ты чего на вы? Ты сам не ушибся, Семенчик? — спросила она, как бы сююкая с мальньким ребенком. — Давай, как обычно. — она расстегнула верхнюю пуговицу своей мягкой кофты, отчего стало видно холмики ее крупных сисек. Это прекрасное лицо, эти губки и глаза, хотя немножко и нетрезвые, но так потрясающе сверкающие в свете проезжающих мимо станций и деревушек. Эти сущащие в воздухе ножки, сделанные будто из сахара. Тут я уже не сдержался... думаю — была не была, — какой случай превосходный.

Нафиг всю эту закоснелую мораль. Я крепко обнял ее, повалив на пыльный ковер болтающегося на рельсах вагонного купе. Мой пенис при этом как-то неудобно стал тереться головкой о ее юбку. — Ай, — вскрикнул я. — от этого моего вскрика храп настоящего Семена вдруг резко прекратился. — Да пох-й на этого мудака соседа, — сказала Наташа, неожиданно ругнувшись. Храп сверху возобновился с удвоенной силой. — Ты видел, как этот сперматоксикозник на меня плялился? Настоящий извращенец. — Да, — полный мудила, — говорю я, — при этом расстегивая ее кофту. Одна пуговичка, другая — руки мои еле слушались меня, ведь возбуждение было такое, что рот переполнился слюной... я еле успевал ее сглатывать. Ее титьки в голубом (насколько я мог судить в темноте) лифчике смотрелись так потрясающе, что я решил его не снимать. Меня всегда такое привлекало. — Что, не нравятся мои сиськи? — а ты знаешь, как меня в школе дразнили? — она приблизила свои роскошные губки к моей щеке и обдала теплым, хоть слегка алкогольным, но все же умопомрачительно сексуальным дыханием мое ухо. — Доска Геннадьевна. Я совсем плоской была до одиннадцатого класса. Можешь не верить. А я пьяная все расскаже тебе — сказав это она стала смеяться, запустив ручку под юбку и лаская, видимо, клитор. Я при этом гладил ее груди и мастурбировал свой член. — Ты что, не хочешь мои соски пососать? Семочки, это на тебя не похоже. Давай, как обычно, с сосками поработай. — глаза ее были полузакрыты и ручкой она все сильнее шурудила под юбкой.

Вскоре я достал ее большие груди из чашечек бюстгалтера и присосался к ним, как

настоящий вампир. Соски были твердые и длинные, как машинные нипели. Сосать их было одно удовольствие. Очевидно было, что я уже слетел с катушек, т. к. Наталья начала громко стонать, а я даже не беспокоился, что нас могут услышать.

— Давай вставляй уже скорее. Семушка, солнечный мой зайчик.

В ее влагалище было неожиданно тесно и горячо. Смазки было столько, что у меня в ней были обе внутренние стороны бедер, тем не менее я ощущал, что моему члену там тесновато.

— Оoooo... ого! — громко сказала она. Потом перешла на шепот — Это ты что вставил? — Догадайся — говорю я. — Огурец? или — хи-хи... Это же не писсон. — Он самый, — говорю. — Как хорошо еб-ся пьяной... все кажется таким большим. — восхищенно прошептала она. — Это потому, что в поезде, говорю. — Меньше разговоров, — больше дела, — ответила Наташа и сильно застонала, когда я усилил частоту фрикций.

Трахал я ее так горячо и самозабвенно, что пару раз долбанулся головой о раскладной столик. При этом я постоянно сосал ее сказочные сиськи и целовал прекрасное упругое тело. Она тоже вела себя, как заряженная в 220 вольт. И тело совсем не обладало свойственной пьяной женщине пассивностью.

Я наслаждался ее потрясной красотой. И лицо и тело было на 12 баллов из десяти. А какой голос — даже нетрезвый, он могу убить человека на расстоянии километра. Она очень сильно сжимала руками мои предплечья... будто тисками, но я едва чувствовал это, хоть и понимал, что будет потом очень болеть. Я даже забыл, что мы в купе поезда. Хотел нащиповать ее так, чтобы она ходила счастливой всю последующую жизнь.

Когда мышцы ее влагалища стали сокращаться, она обхватила меня и прижала к себе так, что я не мог вдохнуть. — Еще хочу, — сказала она сразу же. И я не мог отказать. Удары поезда о рельсы словно вошли в резонанс с моими ритмичными проникновениями. Трахая со всех сил, я даже не заметил, как оба мы оказались совершенно голыми, ковер сполз к двери купе и... включились ночники.

Удар в грудь был такой сильный, словно меня ударил Федор Емельяненко. Я не знаю, действительно ли я отлетел, как тот ковер, к двери купе, — или мне просто так помнится. Но такой удар — никогда я не был так ошеломлен ударом. Когда цветные круги, крутившиеся перед моими глазами, исчезли, я увидел ошарашенную женщину. Она была в таком шоке, что резко поднявшись, не заметила верхней полки и сильно стукнулась о нее головой. Эта встряска наконец-то разбудила настоящего виновника торжества. Я был на пуган, но не мог не заметить, какой все-таки прекрасной она оставалась... несмотря на испуг и нелепость ситуации. Может быть, она стала еще красивее благодаря дцрацкой ситуации и... лучшему освещению. У меня все еще продолжал стоять.

— Это недоразумение, — говорю я тихо. Мне почему-то было очень спокойно. Наверно оттого, что благодаря самому событию такому год уже можно было считать прожитым не зря.

Наталья очень быстро прикрылась одеялом, стянутым с моей полки. При этом выглядела еще в 10 раз сексуальнее. Член мой не унимался. Я ничего не мог с собой поделать. — Это все этот извращенец, — начала в панике тараторить она. — Он меня повалил на пол и раздел. Я пришла к тебе. Пьяная. А он меня прижал к полу, повалил. Семен свесился с верхней полки и его еще не до конца проснувшийся взгляд начинал меня пугать. Однако я не мог пошевелиться с места, чтобы хотя бы прикрыться.

— Помнишь, он еще на меня странно смотрел на перроне. Я тогда тебе сказала, что какой-то извращенец молодой. Это вообще недоразумение — я думала, что это ты, это же твоя полка.

Семен посмотрел на меня и в его взгляде было трудно что-то угадать. Я словно смотрел в глаза дикому зверю.

— Ну, пусть мужик кончит, — услышал я вдруг. — Ты посмотри, как он напрягся весь. — глаза Семена словно бы прояснились. Он посмотрел на Наталью и какая-то странная улыбка пробежала по его лицу и вмиг исчезла. Мимолетная такая. — Да, не хочу я с ним. Мы же с этим завязали — покраснев, сказала Наталья, обращаясь к Семену. — Я хочу только с тобой, и все. Тема закрыта. — Ну, мне что, самому ему подрочить спуститься?

— Да, нет, не стоит так делать, — говорю я, немного перепугавшись. Вообще, когда я садился в поезд, мне Семен показался почти моим сверстником, а мне 25 лет. А сейчас, с просонья и с этим хитрым прищуром он выглядел на все 45, если не 50. Это меня удивило даже больше, чем его предложение. — Видишь, говорит, что не стоит так делать — сказал Семен Наталье, которая в этот момент уже надела трусики и пыталась надеть лифчик, прячась под одеялом — держа его подбородком. Одеяло постоянно спадало и сиськи болтались в воздухе, как боксерские груши на ветру. Наталья обожгла своего приятеля долгим испепеляющим взглядом. Она действительно не знала о том, что ночью ее пер не Семочки, а мой крупный пенис. И сейчас была зла на весь мир. Удовольствие от оргазма, который был самым что ни на есть натуральным, забылось совершенно.

Мой же штык продолжал стоять на протяжении всей этой немой сцены. Видимо, борьбу взглядов выиграл Семен. Так как Наталья с очень недовольным видом отложила одеяло, надела лифчик, после чего приблизилась ко мне.

— Так мужчины не поступают, как сегодня сделал ты, — сказала она мне, взяв в руки мой член. Несмотря на тон ее слов, мой трахатель она взяла очень нежно. — Ты воспользовался тем, что я была пьяной. Ты повалил меня на землю. Ты знаешь, во мне течет кровь горцев. И я сильная духом. Мне ничего не стоит оторвать сейчас твой отросток и выбросить в вагонную дырку в туалете. — все это она говорила, обхватив двумя руками мой пенис и нежно его сжимая. Мне стало не по себе и я слегка оттолкнул ее, высвободив член из ее обхвата. — Да не бойся, что ты такой ссыклиwyй. Как ночью, так ничего не боялся, — сказала она, снова схватив мой гринго и смачивая руки слюной. Она стала очень аккуратно, почти деликатно дрочить его, периодически прикасаясь кончиком языка к уздечке моей головки. Мне стало так здорово, что я почти потерял зрение. Все перед глазами стало белым-бело.

— Да, ну его нахрен, — вдруг сказала она, отпустив мой член и толкнув в сторону двери. — Он какой-то как деревянный. Часами буду дрочить, а он не кончит. Тупой затирок.

Красота этой женщины и такие грубые слова как-то совсем у меня в голове не увязывались. Хотя это было скорее с непривычки, умом-то я вполне допускал это. В общем — несмотря на то, что она меня оттолкнула, механизм был уже запущен. Я начал чувствовать приближающийся оргазм.

— Иди отсюда, дай мне с мужем поговорить. — сказала она. — Ты оглох что ли?

Я же, очень быстро, чтобы не упустить момент, схватил ее за сиську и вставил свой близкий к эякуляции тубус ей в рот — как раз в тот момент, когда она хотела сказать очередную гадость в мой адрес. Кончал я невероятно сладко, было несколько непередаваемых по высоте подъема волн, а Наталья как будто обмякла. Словно весь негатив резко ушел из нее. Она стала сильно всасывать в себя мой эякулят, обняв мой таз и схватив ручками ягодицы. После того, как все закончилось, она долго гладила меня и целовала член.

— Что это было? — спросил я на полном серьезе, присев на нижнюю полку и прислонив

затылок к дребезжащей стене. — Это вот такое произошло со мной, — сказал Дима, подливая водки в пластиковый стаканчик. — Оказалось, что у них такая компашка интересная. Любят ролевые игры и все подобное. И достаточно импульсивная, как ты понял из последней части моего рассказа. — Не то слово импульсивная, — говорю. — Но мне кажется, что все это вранье. — Можешь не верить. Я с ними до сих пор связь поддерживаю. Могу потом познакомить, вместе повеселимся, а что? Они сами из Ростова, но часто бывают в Москве у меня в гостях. Трахаю я эту Наташу, как сидорову козу. — А муж Семен что?

— Он не муж, а настоящий слуга. Муж там какой-то большой бизнесмен. А Семен типа мальчика на побегушках. Он везде ее сопровождает — телохранитель и мамочка в одном лице. А у Наташи как-то хватает сил на всех. — Фотография есть у тебя ее? — А-то, на вот, смотри. — Дима достал фотку из папки с бумагами. — Ну, какова? На фото, среди угнетающего сельского пейзажа был изображен белый, расправивший крылья гусь.